

УДК 94 (430)(085)

**О СПЕЦИФИКЕ РЕКРУТИРОВАНИЯ ЭЛИТ НА ПОСТ РЕЙХСМИНИСТРА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
В ПЕРИОД ВЕЙМАРСКОЙ РЕСПУБЛИКИ***Т. В. Евдокимова***ON THE SPECIFICITY OF ELITES RECRUITMENT TO THE POST OF REICH MINISTER
OF FOREIGN AFFAIRS IN THE PERIOD OF THE WEIMAR REPUBLIC***T. V. Evdokimova*

В статье анализируется состав рейхсминистров иностранных дел Веймарской республики, особенности его формирования и эволюция. Делается вывод о том, что в Веймарский период предпринимались шаги для превращения руководства внешнеполитического ведомства из закрытой элиты в открытую, которая стремилась осуществить ревизию Версальского договора исключительно мирными средствами.

The paper analyzes the selection of Reich Ministers of Foreign Affairs of the Weimar Republic and the peculiarities of its formation and evolution. It also makes a conclusion that during the period of the Weimar Republic the steps were taken to convert foreign ministry authorities from the closed to the open elite which sought to carry out the revision of the Versailles Treaty exclusively by peaceful means.

Ключевые слова: Веймарская республика, рейхсминистр иностранных дел, Версальский договор, аристократия, функциональная элита партийность.

Keywords: Weimar Republic, Reich Minister of Foreign Affairs, Versailles Treaty, aristocracy, functional elite, party belonging.

Среди правящей политической элиты Веймарской республики наиболее консервативную часть составляли представители дипломатической элиты. Она всегда рассматривала внешнеполитическое ведомство как нечто совершенно отличное от других министерств, стремясь сохранить преемственность и традиции периода кайзеровской Германии [5]. Вместе с тем итоги Первой мировой войны и революции 1918 – 1919 гг. требовали реформирования организационных структур; реализации внешнеполитического курса, адекватного вызовам времени; создания профессионального дипломатического корпуса с учетом тех социальных подвижек, которые произошли в обществе [7]. При этом большая ответственность возлагалась на рейхсминистров иностранных дел, которые стояли во главе внешнеполитического ведомства. Трансформация и особенности формирования их состава находятся в центре внимания данной статьи.

Появление поста рейхсминистра иностранных дел было связано с принятием Веймарской конституции 1919 г., которая установила новые правовые рамки отношений дипломатов с новыми политическими структурами. Конституция наделила рейхспрезидента большими полномочиями при проведении внешнеполитического курса (ст. 45). Рейхсканцлеру, которого назначал рейхспрезидент, она предоставила право устанавливать руководящие линии в политике (ст. 56). Каждый рейхсминистр, в том числе рейхсминистр иностранных дел, назначаемый и увольняемый по предложению рейхсканцлера рейхспрезидентом, имел право самостоятельно ведать вверенной ему отраслью в рамках положений руководящей линии рейхсканцлера, неся ответственность перед рейхстагом (ст. 56). Таким образом, рейхсминистр иностранных дел обладал определенной самостоятельностью, но при этом зависел от рейхспрезидента и рейхсканцлера. В Веймарской республике правительственные кабинеты сменялись чаще, чем главы внешнеполити-

ческого ведомства: на 20 кабинетов приходилось 12 рейхсминистров иностранных дел [4]. Немаловажным был и тот факт, что именно «на долю внешней политики выпала несчастливая интегрирующая функция по объединению расколотого германского общества» (П. Крюгер).

Эту функцию успешно осуществил Густав Штретземан, который использовал имевшийся в конституции дуализм между плебисцитарно-президентской службой и парламентско-канцлерской. Частая сменяемость рейхсканцлеров и их зависимость от рейхспрезидента при наличии сильной личности в лице Густава Штретземана привела к доминированию рейхсминистра иностранных дел в области внешней политики. Он последовательно осуществлял свою внешнеполитическую программу, находясь в согласии первоначально с курсом рейхспрезидента Фридриха Эберта, а затем и Пауля фон Гинденбурга, практическая деятельность которых была больше ориентирована на реализацию внутренней политики. Период пребывания Штретземана во главе внешнеполитического ведомства 1923 – 1929 гг. – самый плодотворный период с точки зрения стабилизации международного положения Германии: подписание плана Дауэса и Юнга, Локарнских соглашений, вступление Германии в Лигу наций. Примечательно, что успехи германских дипломатов в период Веймарской Германии пришлись именно на «эпоху Штретземана». Наблюдался «расцвет новых талантов на дипломатической службе» [8, s. 116]. Из консервативных аристократических слоев вышли такие дипломаты, как Леопольд фон Хоеш, посол в Париже 1923 – 1932 гг. и до 1936 г. включительно – в Лондоне (им восхищался Р. Пуанкаре); доктор Вильгельм Зольф, находившийся 8 лет на дипломатической службе в Японии. Среди представителей молодого поколения можно назвать Рудольфа Надольного, первого посла в Турции; Ульриха фон Хасселя, впоследствии посла в Риме, Випер-

та фон Блюхера, позже занимавшего пост посла в Хельсинки при Гитлере. На дипломатическую службу пришли также лица, занимавшиеся ранее государственной и политической деятельностью. К числу выдающихся дипломатов можно отнести Фридриха фон Штамера, бывшего обер-бургомистра Гамбурга, который служил в Лондоне в 1920 – 1929 гг. и многое сделал, по оценке Штреземана, для укрепления германо-английских отношений. Адольф Мюллер, посол в Берне 1920 – 1933 гг., способствовал вступлению Германии в Лигу наций. Ульрих Раушер представлял интересы Германии в Варшаве в 1922 – 1930 гг., Адольф Кестер – в Риге и Белграде.

Однако в истории Веймарской Германии имелись и другие примеры реализации прав, предоставленных конституцией, руководству страны в области внешней политики. Так при подписании Рапалльского договора с Советской Россией 1922 г., рейхсканцлер Й. Вирт и рейхсминистр иностранных дел В. Ратенау не согласовали свои позиции с рейхспрезидентом, который узнал об этом только на третий день после подписания. Эберт был возмущен заключением договора, так как, по его мнению, рейхсканцлер и рейхсминистр иностранных дел без его ведома приняли такое решение и тем самым поставили под вопрос его конституционные полномочия. Это была не единственная причина недовольства Эберта. Являясь западником, он расценил договор как «политическую ошибку» [1, с. 198 – 199], которая могла воспрепятствовать получению Германией возможных кредитов со стороны стран Запада. Про-советски настроенный Й. Вирт, также дважды занимавший пост рейхсминистра иностранных дел, считал, что он не вышел за рамки конституции и исполнял свое конституционное право определять политический курс, особенно в области внешней политики. Являясь школьным учителем, Й. Вирт относился к новому поколению дипломатов, появившихся вследствие изменения принципа рекрутирования дипломатического корпуса под влиянием революции.

До этого госсекретари внешнеполитического ведомства кайзеровской Германии, преимущественно являлись выходцами из дворянской среды. Этой традиции стремились придерживаться и в годы Веймарской республики. Из 12 рейхсминистров иностранных дел пятеро прошли кайзеровскую дипломатическую службу. В первую очередь, речь идет об Ульрихе графе фон Брокдорф-Ранцау [6, с. 45 – 46], который, находясь на дипломатической службе с 1894 г., работал в Брюсселе, Санкт-Петербурге, Вене, Будапеште. С 1912 г. являлся посланником в Копенгагене: не без его влияния в годы Первой мировой войны Дания заняла нейтральную позицию. С 1917 г. его кандидатура была выдвинута на руководство МИДом, но отклонена Э. Людендорфом. Вальтер Симонс [6, с. 314 – 315] в 1905 – 1911 гг. занимал пост тайного советника посольства и юрисконсульта в юридическом отделе министерства иностранных дел. Ф. Розен [10, с. 734], выдающийся знаток Востока и переводчик, находился на дипломатической службе в Бейруте, Тегеране, Багдаде, Иерусалиме. С 1901 г. работал в политическом отделе МИДа, с 1904 г. являлся тайным советником посольства. Был посланником в Тегеране (1905), Бу-

харесте (1910), Лиссабоне (1912), Гааге (1916 – 1920). Фридрих фон Розенберг [10, с. 735] поступил на дипломатическую службу в 1903 г. В 1905 – 1906 гг. стал вице-консулом в Антверпене, в 1906 – 1918 гг. – помощником, референтом на дипломатической службе, в 1920 – 1922 гг. – посланником в Вене, Копенгагене. Барон Константин фон Нойрат [6, с. 238 – 239] находился на службе в министерстве иностранных дел с 1901 г.; в 1914 – 1916 гг. был в Константинополе. В 1917 г. – ушел со службы на почве деловых разногласий.

Назначение на пост рейхсминистра иностранных дел лиц, не имевших отношения к дипломатической службе в период кайзеровской Германии, рассматривалось как отступление от традиций. Кроме того, до этого дипломаты были политически не ангажированными, то есть не принадлежали ни к какой политической партии. В Веймарской республике дипломатическая элита стала формироваться как открытая, и источники рекрутирования были связаны не только с происхождением, как было до этого, но также и с его личными качествами. Прежде всего, это относилось к Герману Мюллеру, рейхсминистру иностранных дел в кабинете Г. А. Бауэра. Он являлся опытным дипломатом среди германских социал-демократов в области установлении межпартийных контактов и поддержки международных связей. Накануне Первой мировой войны, в период июльского кризиса, Г. Мюллер поехал в Париж с целью объединения усилий германских социал-демократов и французских социалистов для проведения совместных акций протеста против предоставления военных кредитов. Через 5 лет, по иронии судьбы, Г. Мюллер поехал вновь в столицу Франции для того, чтобы скрепить своей подписью Версальский договор. По оценке современника Э. Домбровского, «Г. Мюллер должен был закрыть образовавшуюся брешь. Он должен был взять на себя внешнеполитическое ведомство, хотел он этого или нет. Не нашлось никого другого, кто бы в последний критический момент решился бы взвалить на свои плечи бремя мира после войны» [14, с. 148].

Впоследствии именно Г. Мюллер выступил в поддержку Адольфа Кестера при назначении на пост рейхсминистра иностранных дел. Это был второй социал-демократ, занимавший данный пост, представленный рейхспрезиденту в качестве «квалифицированного специалиста в области деловых отношений». Особенность его рекрутирования состояла в том, что пост главы внешнеполитического ведомства занял человек, не сделавший дипломатической карьеры и получивший его в силу принадлежности к партии, являвшейся ядром политической системы в целом. В ответ на упрёки оппозиции, что Кестер не имеет «специального образования» (однако, проблема заключалась не в отсутствии профессиональной подготовки, а в фактическом требовании проведения политики, ориентированной на отказ от выполнения условий Версальского договора), Мюллер предложил оппозиции назвать другого кандидата на пост рейхсминистра иностранных дел, который бы удовлетворил страны Запада, заявившие протест в связи с тем, что в их столицах на руководящих постах в германских посольствах находились те же лица, которые были и

до начала Первой мировой войны. Важным аргументом было и то обстоятельство, что такие политические деятели, как А. Мильеран, Д. Ллойд Джордж, Ф. С. Нитти и др., не сделали дипломатической карьеры. Защиту А. Кестера Мюллер закончил требованием признать – в качестве главного принципа – выбор на руководящие должности не на основе происхождения, а на основе достижений и успеха кандидата [12, s. 55]. Среди германских дипломатов такие люди воспринимались как «аузензайтеры», то есть «посторонние».

Ревизия Версальского договора являлась главной задачей всего дипломатического корпуса, который считал себя ответственным за решение репарационного вопроса, важного для всей Германии и для каждого немца; за преодоление кризиса идентичности немцев, аналогичного тому, который пережили французы после войны 1870 – 1871 гг. Старшее поколение дипломатов отказалось подписывать Версальский договор: ушел в отставку Симонс, возглавлявший германскую делегацию на Парижской мирной конференции; отказался принять условия договора первый рейхсминистр иностранных дел Веймарской Германии Брокдорф-Ранцау. Подписание Германией Версальского договора стало личной трагедией Брокдорфа-Ранцау. Ему принадлежали слова: «От нас требуют признать, что мы одни виноваты в начале войны; признание такого факта в моих устах было бы ложью» [2, с. 159]. Сам Брокдорф-Ранцау считал, что он после Версаля уже не жил и скажет, умирая: «Я умер еще в Версале» [16, s. 102].

Новое поколение германских дипломатов, понимая важность данного шага, подпишет Версальский договор. «В Версале Мюллер вел себя просто и достойно. Никаких интервью. Никакой внешней позы. Ничего. Вместе в Белом он вступил в великолепный Зеркальный зал, где собрались все знаменитый главы Антанты на показательный суд, скромным жестом отклонил парадную ручку (*до этого его подписали договор Ллойд Джордж и Клемансо – от Т. Е.*) ...вытащил из своего кармана авторучку и поставил свою подпись под документом» [26, s. 135] – констатировал современник. По мнению „Deutsche Allgemeine Zeitung“, при этом Г. Мюллер проявил стойкость и твердость характера, которые не были упрямством [11]. Он сделал своевременные уступки, которые являлись не слабостью, а верной оценкой сложившегося соотношения сил и базой для ведения дальнейших переговоров.

Дипломаты старшего поколения болезненно переживали происходившие изменения, в то время, как представители молодого поколения, не принадлежавшие к бюрократическому руководству кайзеровского рейха и хорошо образованные, успешно включились в процесс, чувствуя себя уверенными по отношению к новичкам и «аузензайтерам». Примером могут служить молодые статс-секретари, благодаря которым сохранялось стабильное положение во внешнеполитическом ведомстве. Современники выделяли «всегда ловкого, проворного и любезного господина» Ханслея фон Хаймхаузена, совладельца семейного землевладения Хоффнунг-хюте; барона фон Мальцана [6, s. 215 – 216], которого сокращенно звали «Аго»

(Адольф Георг Отто); фон Шуберта, внука крупного промышленника Саарланда» [15, s. 41].

Появление Вальтера Ратенау в составе правящей политической элиты Веймарской Германии на уровне рейхсминистра иностранных дел знаменовало значительную демократизацию процесса элитообразования. Во главе германского внешнеполитического ведомства встал еврей. Революция в Германии открыла перед ним новые перспективы, хотя первоначально он критически относился к новой власти, в частности отклонил подписание Версальского мирного договора. С лета 1920 г. В. Ратенау стал сторонником республики. Он вошел в состав второй комиссии по социализации, стал рейхсминистром по восстановлению и, наконец, в январе 1922 г. получил предложение возглавить внешнеполитическое ведомство [16]. В. Ратенау в ответ на слова, «что еврей ни при каких обстоятельствах не может представлять другой народ», заявил, что он является «подходящей фигурой для этой должности» и что он «выполнит свой долг по отношению к немецкому народу». «Я разрушу барьеры, – продолжал он, – с помощью которых антисемиты хотят нас изолировать». «И почему он не может повторить то, что сделал Дизраэли?» [17, s. 80 – 81].

Появление В. Ратенау на посту рейхсминистра иностранных дел сигнализировало и о другой особенности рекрутирования политической элиты веймарской германии – о возрастающей роли экономического фактора во внешнеполитической деятельности. В. Ратенау, ведущий менеджер в правлении аэг (*allgemeine elektricitats gesellschaft* – всеобщая электрическая компания), состоял в 86 наблюдательных советах германии и в 21-ом за границей [8, s. 71], имел тесные экономические связи с Великобританией и США. Ратенау был известен как сторонник политики взаимопонимания с Западом. Рейхсканцлеру Й. Вирту, проводившему курс «политики выполнения» условий версальского договора, для подготовки к конференции в генове был необходим надежный союзник, который бы вызывал доверие со стороны запада [19, s. 151].

Творческие способности, которыми обладал В. Ратенау, позволили ему проявить в дипломатии те качества, которые характеризовали его как государственного человека, который «обладал способностью представить то, что еще не произошло» [27, s. 22]. И все же, говоря о специфике рекрутирования В. Ратенау в состав элиты в качестве рейхсминистра иностранных дел, следует подчеркнуть, что он не являлся природным руководителем внешнеполитического ведомства. Для него главным и решающим фактором развития являлась экономика [27, s. 113], через призму которой он смотрел на окружающий мир в целом, и на свою деятельность, в частности. Достаточно спорным являлось его собственное выражение, что он «мог привести в движение служебную машину» [24, s. 869]. Стремясь самому все контролировать и брать на себя самые сложные проблемы, он превратил свою должность в тяжелую ношу. В начале апреля 1922 г. он заявил английскому послу д. Абернону, «что он не имел никакого представления, насколько тяжелой является эта профессия [дипломата]; с тех пор, как он стал рейхсминистром, он никогда не шел спать рань-

ше трех часов ночи» [9, s. 320]. Как оказалось, внешнеполитическим ведомством нельзя было руководить, как промышленным концерном.

Вальтер Ратенау, находясь на посту рейхсминистра иностранных дел, продемонстрировал коренное отличие своего внешнеполитического курса от германской дипломатии XIX в. Если Мальцан, исходя из образцов кайзеровской Германии, стремился к Ренессансу Германии как великой державы, то В. Ратенау – к европейскому объединению как основы для разрядки в Европе и для решения Германией репарационного вопроса. Он «думал глубоко патриотично в духе своего времени как немецкий еврей» [17, s. 291], однако националисты посчитали данный шаг предательством интересов Германии. 24 июня 1922 г. В. Ратенау был убит.

Среди политических партий на руководство внешнеполитической сферой Веймарской Германии претендовала Германская народная партия, что осуществлял длительный период рейхсминистр иностранных дел Густав Штретземан. Реальный взгляд на вещи и политическая гибкость Штретземана дали основание английскому послу Д'Абернону подчеркнуть главный аспект «бриллиантовой дипломатии» Штретземана – то, как Германия поднялась «из положения побежденного и разоруженного врага и заняла равноправное положение, в котором она добилась полного признания как великой державы и международной гарантии своих границ» [8, s. 91]. Подчеркивая, что «дипломатия это вопрос компромисса» [8, s. 90], Штретземан «не боялся быть непопулярным». Формируя внешнеполитический курс, Г. Штретземан умел дистанцироваться от партийно-политических догм [29], опереться на дипломатический корпус, стремился найти поддержку среди масс и партий [28, s. 221].

Назначение Ю. Куртиуса [6, s. 56] на пост рейхсминистра иностранных дел во втором кабинете Мюллера (после смерти Г. Штретземана) рассматривалось как фактор преемственности во внешней политике Германии. У Куртиуса не было своей собственной внешнеполитической концепции, он следовал традициям Штретземана, который не противопоставлял такие понятия как «взаимопонимание» и «ревизия», а рассматривал их как единое целое. Не обладая «политической креативностью» Штретземана, Куртиус провозгласил умеренный, эволюционный «переговорный ревизионизм». В условиях наступления «национальной оппозиции», сопровождавшейся ростом голосов НСДАП на выборах 1930 г., Куртиус оказался перед решением сложной дилеммы, связанной с проблемой выживания Германии и ее внешнеполитическими возможностями. С одной стороны, от него требовали проведения «национально окрашенной внешней политикой» Германии, а с другой, он осознавал необходимость учета интересов западных стран, чтобы уменьшить изоляцию Германии. Куртиус оказался между ревизионистским взаимопониманием Штретземана и ревизионистским принуждением крайне правых сил. В конце концов, на первое место выступили германские интересы, а кооперирование усилий по поиску согласованных решений с другими странами отступили на второй план.

В условиях существования «президиальных кабинетов» германская внешняя политика отступила от

таких принципов политики Штретземана, как ревизия Версальского договора только мирными средствами, поиск сотрудничества на широкой основе различных политических сил. Национальная оппозиция добилась свержения Куртиуса, и вместо него пост рейхсминистра иностранных дел занял рейхсканцлер Г. Брюнинг. Это был последний партийный рейхсминистр иностранных дел.

В период своего канцлерства Брюнинг, несомненно, думал не о быстром преодолении кризиса [21; 22], а о политическом использовании беспримерного кризиса. Рейхсканцлер хотел с помощью документов доказать преданность Германии репарационным обязательствам, а с другой стороны, – невозможность нести дальше тяжелое бремя репараций. Брюнинг подчинил экономическую политику своей ревизионистской внешней политике. Он видел в мировом экономическом кризисе не катастрофу, а шанс. Брюнинг хотел вернуться к германскому рейху, существовавшему до Первой мировой войны. Это означало ликвидацию Версальского договора и завоевание позиций крупной независимой державы в срединной Европе, восстановление конституционной монархии Гогенцоллернов. Брюнинг надеялся на то, что «из болезни может сделать оружие», которое откроет Германии мирный путь к разрушению Версальского договора. Согласно планам Брюнинга, лишь после того, как Германия вновь добудет свой независимый авторитет и займет в Европе позицию великой державы [18; 20], последует экономическое выздоровление. Он рассчитывал на восстановление экономики лишь с 1935 г., а до этого времени германскому народу было необходимо приносить жертвы. Однако, «ожидания такого рода противоречили всем законам психологии» в условиях катастрофического роста безработицы, роста цен, режима экономии [13, s. 212].

Таким образом, говоря о германских дипломатах Веймарской республики как об элите, можно констатировать переход элиты, имевшей привилегированную профессию в силу социального происхождения, к функциональной элите и элите успеха без специального дипломатического образования и опыта. Однако первоначально осуществлявшийся принцип формирования открытой элиты постепенно сменялся принципом закрытой элиты. Последний рейхсминистр иностранных дел Константин фон Нойрат являлся выходцем из древнего дворянского рода земли Вюртемберг, давшего нескольких рейхсминистров. Между графом У. фон Брокдорфом-Ранцау, который сотрудничал с демократической властью, но отказался от подписания Версальского договора, и бароном К. фон Нойратом, придерживавшимся ревизии Версальского договора насильственными средствами и оставшимся в правительстве А. Гитлера [25], находился этап ревизии Версальского договора мирными средствами с помощью «политики выполнения», «взаимопонимания», «эволюции». Аристократия решила вновь взять на себя руководство, но уже без опоры на демократические принципы власти. Анализ состава рейхсминистров иностранных дел свидетельствует также о том, что руководство внешнеполитического ведомства возвратилось к принципу надпартийности как важному элементу эволюции дипломатического корпуса в конце Веймарского периода.

Литература

1. Артемов В. А., Кардашова Е. В. Фридрих Эберт – первый президент Германии. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001.
2. История дипломатии. М.: Госполитиздат, 1965. Т. 3.
3. РАВИ. Ф. 634. Оп. 1. Д. 490. Л. 7.
4. Auswärtiges Amt (Hrsg.). Biographisches Handbuch des deutschen Auswärtigen Dienstes 1871 – 1945. 5 Bde. Paderborn: Verlag Ferdinand Schöningh, 2000 – 2014.
5. Auswärtiges Amt (Hrsg.). Die Außenpolitik der deutschen Länder im Kaiserreich. Geschichte, Akteure und archivische Überlieferung (1871 – 1918). Beiträge des wissenschaftlichen Kolloquiums zum 90. Gründungstag des Politischen Archivs des Auswärtigen Amtes am 3. August 2010. München: Oldenbourg, 2012.
6. Biographisches Lexikon zur Weimarer Republik / Hrsg. W. Benz u. H. Graml. München: Beck, 1988.
7. Conze E. Das Auswärtige Amt. Vom Kaiserreich bis zur Gegenwart. München: Beck, 2013.
8. Craig G. F. Deutsche Staatskunst von Bismarck bis Adenauer. Düsseldorf: Droste Verlag, 1961.
9. D'Abernon V. Ein Botschafter der Zeitwende. Memoiren. Bd. 1. Leipzig: Paul List, 1930.
10. Das Deutsche Reich von 1918 bis heute. Berlin, 1930.
11. Deutsche Allgemeine Zeitung. 1920. № 144. 29 März.
12. Doß K. Reichsminister Adolf Köster. 1883 – 1930. Ein Leben für die Weimarer Republik. Düsseldorf: Droste Verlag, 1978.
13. Fiederlein F. M. Der deutsche Osten und die Regierung Brüning, Papen, Schleicher: Inaugural-Dissertation zur Ergangung der Doktorwürde der Philosoph. Fak. zu Würzburg vorgel. von F. M. Fiederlein aus Kulsheim/Baden. Würzburg, 1966.
14. Fischart J. Das alte und das neue System. Zweite Folge. Berlin, 1919.
15. Gestalten rings um Hindenburg. Führende Köpfe der Republik und die Berliner Gesellschaft von heute. Dresden: Carl Reissner, 1930.
16. Haupts L. Graf Brockdorff-Rantzau. Göttingen u. a.: Muster-Schmidt Verlag, 1984.
17. Hentzschel-Fröhlings J. Walther Rathenau als Politiker der Weimarer Republik. Husum: Matthiesen Verlag, 2007.
18. Krüger P. Die Außenpolitik der Republik von Weimar. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1985.
19. Laubach E. Die Politik der Kabinette Wirth 1921-22. Lübeck, 1968.
20. Möller H. Europa zwischen den Weltkriegen. München: R. Oldenbourg Verlag, 1998.
21. Möller H. Weimar. Die unvollendete Demokratie. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2008.
22. Mommsen H. Die verspielte Freiheit. Der Weg der Republik von Weimar in den Untergang 1918 bis 1933. Frankfurt a. M., Berlin, 1989.
23. Rathenau W. Ein preußischer Europäer. Briefe / Hrsg. von M. v. Eynern. Berlin: Vogt, 1955.
24. Rathenau W. Gesammelte Schriften. Bd. 2. Berlin, 1918.
25. Sabrow M., Mentel C. Das Auswärtige Amt und seine umstrittene Vergangenheit. Eine deutsche Debatte. Frankfurt a. M.: Fischer Taschenbuch, 2014.
26. Schiff V. So war es in Versailles. Berlin, 1929.
27. Schulin E. Walter Rathenau. Repräsentant, Kritiker und Opfer seiner Zeit. Göttingen, Zürich: Muster-Schmidt Verlag, 1992.
28. Stresemann G. Vermächtnis. Bd. 1. Vom Ruhrkrieg bis London. Berlin: Ullstein, 1932.
29. Unterhaltungsblatt. Vossische Zeitung. 1929. 8. Okt.

Информация об авторе:

Евдокимова Татьяна Васильевна – доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ), eva_tan@mail.ru.

Tatiana V. Evdokimova – Doctor of History, Professor at the Department for World History, Volgograd State Socio-Pedagogical University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.